Игорь Пыхалов

ФРОНТОВЫЕ ЗАМЕТКИ ИЗ НОВОРОССИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Постоянный автор «АПН Северо-Запад», петербургский историк Игорь Пыхалов, сейчас находящийся на фронте в Донбассе, повествует о том, как поехал добровольцем на войну в Луганскую Народную республику. Рассказ о событиях августа-сентября, когда Игорь служил в батальоне «Заря».

- Игорь Пыхалов
  - Через границу с нацболами
  - СМС-ки от дяди Вовы
  - Особенности сухого закона
  - Присяга 4-й роты
  - Есть ли атеисты в окопах?
  - А Счастье было так возможно
  - Разведчица с факультета иудаики

Игорь Пыхалов
ФРОНТОВЫЕ ЗАМЕТКИ ИЗ НОВОРОССИИ

Через границу с нацболами

Попасть на территорию ЛНР мне помогла «Другая Россия», в которой я не состоял, но в мероприятиях периодически участвовал. Границу с Новороссией мы пересекли 7 августа. К тому времени пропускной пункт Изварино уже прочно контролировался ополченцами, так что переходим легально. Все мы в гражданской одежде, по «легенде» — едем в Луганск, чтобы забрать своих родственников. Впрочем, российские пограничники прекрасно понимают, что к чему. «Воевать идёте, ребята?» — Весело окликают девушки из будки. «Вы твёрдо всё обдумали?» — Хмурится офицер-пограничник.

Навстречу движется поток машин и автобусов с беженцами. Почти на всех красуется надпись «дети», хотя часто из автобусов торчат сильно не детские физиономии с усами и щетиной.

По ту сторону границы нас встречают ополченцы, нацболы из батальона «Заря». Садимся в грузовую «Газель». Дверца остаётся распахнутой, напротив неё усаживается ополченец с ручным пулемётом. В то время путь от границы до Луганска был под угрозой, через несколько дней украинские войска его перерезали.

В казармы батальона в Луганске мы прибыли уже поздно вечером. Нас накормили ужином и отправили спать, пообещав, что оформлять будут утром. Мне достался верх двухъярусной койки в коридоре на первом этаже.

Этой же ночью я впервые попал под миномётный обстрел. Воющий свист мины, затем грохот взрыва. Оказалось, что я сплю в самом безопасном месте здания (не считая подвала). При обстреле рекомендуется покинуть помещения с окнами и дверями, то есть выбежать в коридор, а мне никуда бежать не надо.

Пустой коридор мгновенно наполняется людьми. Из санчасти с визгом выскакивают медсёстры, оживлённо переговариваются с молодыми ополченцами. Через некоторое время народ расходится, и тут обстрел повторяется второй раз.

Утром идём в штаб батальона оформляться. Беседа с психологом, компьютерное тестирование: несколько десятков вопросов, чтобы выявить стрессоустойчивость. Проверка не для «галочки», а всерьёз, при мне один мужчина из местных не сумел пройти тест. В завершение — беседа с особистом. Он предупреждает о действующем в ополчении «сухом законе», о воинской дисциплине. В конце краткой беседы пожимает мне руку: «Спасибо, что приехали. А то некоторые наши мужики наоборот, бегут в Россию».

Теперь я ополченец Луганского народно-освободительного батальона «Заря» министерства обороны ЛНР, которым изначально командовал глава республики Игорь Плотницкий.

СМС-ки от дяди Вовы

Почти все новобранцы, поступающие в батальон «Заря», сперва попадают в 6-й взвод. Он занимается разными хозяйственными делами — боевые подразделения к хозработам стараются не привлекать, а также выполняет функцию фильтрации. Работаешь и ждёшь появления вакансий. Время от времени приходят командиры подразделений — зенитчики, артиллеристы, миномётчики — отбирать себе пополнение. При этом важную роль играет не только наличие у потенциальных рекрутов необходимых навыков, но и простое везение.

Вот появляется очередной «покупатель». Прослышав об этом, свободные от нарядов бойцы 6-го взвода тут же спешат в коридор казармы, где стоит стол командира взвода.

— Артиллеристы есть?

Таковых не находится.

— Служившие срочную есть?

Опять отрицательный ответ.

— Ладно, вот ты и ты, — вздохнув, указывает на ополченцев, стоящих первыми в очереди.

Увы, я оказался лишь третьим и поэтому в артиллеристы не попадаю.

Кое-кто из искателей «военной романтики», отбыв несколько дней хозработ, разочаровывается и уходит. Их не держат, служба добровольная.

Бывали и исключения. Те, кто владеет дефицитной воинской специальностью, например, отслужил срочную водителем танка — попадают в боевое подразделение сразу. Также везло тем, у кого родственник или друг уже служит в ополчении и может составить «протекцию».

Одной из главных задач 6-го взвода было ежедневно отправлять две бригады, заряжающие установки залпового огня системы «Град». Обычно на эту работу назначали тех, кто уже пробыл в батальоне несколько дней, однако мне повезло попасть туда в первый же вечер. Таким образом, счастливо избежав чистки картошки и других кухонных занятий, я сразу же оказался привлечён к боевой службе, пусть и на вспомогательных ролях.

Обслуживание «Градов» ведётся круглосуточно, в две смены. Наша смена работает по ночам, продолжительность вахты — 12 часов, с 20:30 до 8:30. Под утро нас обычно обстреливали из миномёта, но к счастью, мины ложились далеко.

Работа весьма тяжёлая. Впрочем, как я в дальнейшем убедился, война — это, в первую очередь, постоянное перетаскивание различных тяжёлых предметов, причём часто

бегом. Ящик с ракетой весит 100 кг, его переносим вчетвером. Вскрываем, вынимаем ракету (75 кг), готовим её к стрельбе, затем заряжаем в направляющие, вдвоём или втроём. Полный заряд установки — 40 ракет, то есть, нужно перекидать 4 тонны. Надеюсь, что их использовали с толком.

Хорошо ещё, что в работе, как правило, бывают перерывы — зарядишь одну установку и отдыхаешь, пока следующая не подъедет. Иногда такая пауза длится несколько часов, так что можно даже поспать. Однако с каждой ночью работы становится всё больше и больше.

Ополченцы называют ракеты для «Градов» «СМСками от дяди Вовы». Кто такой дядя Вова, я не знаю. Судя по всему, так зовут вороватого прапорщика, продающего боеприпасы со складов украинской армии.

Климат Луганщины, для меня, питерца, совершенно непривычен. Местные называли его «мерзко-континентальным». Днём в августе плюс тридцать, а ночью и особенно под утро очень холодно. Это приводит к неприятным последствиям: пока заряжаешь, успеваешь пропотеть насквозь, раздеваешься до футболки. Идёшь отдыхать — быстро замерзаешь, снова одеваешься и так всю ночь. Неудивительно, что после нескольких таких вахт все мы дружно кашляем. У меня уже начинался бронхит, но не зря говорят, что в критической ситуации организм мобилизует резервы — всё прошло. Возможно, помогли выданные в санчасти таблетки от кашля и порошок против гриппа.

В бригаде нас восемь человек. Я единственный россиянин, остальные местные. Младшему 19 лет, старшему 51 год. Ему сразу же дали позывной «Батя». Он немного обижается, но большинству из нас он действительно годится в отцы.

«Батя» — бывший «афганец», служил там шофёром. С тех пор прошло три десятка лет, женился, построил дом, вырастил детей, появились внуки. А потом пришли каратели хунты, спалили дом. К счастью семья не пострадала. Пришлось вновь идти воевать.

В перерывах между работой ополченцы ведут беседы: «Хорошо бы, чтобы Путин ввёл войска. Тогда война сразу закончится, и мы вернёмся по домам». И тут же сами себе возражают: «Но тогда НАТО тоже введёт войска и будет третья мировая война. Лучше уж мы сами справимся».

Насчёт того, будет ли в этом случае вторжение НАТО, у меня другое мнение, но с выводом согласен.

Постепенно состав нашей бригады меняется. Кто-то уходит в боевые подразделения, их сменяют новички. Через несколько дней меня «спалили» двое добровольцев из Петрозаводска, опознав во мне автора книг по истории сталинского СССР. Каких-то перемен в моём положении это не вызвало, кроме присвоенного мне товарищами позывного «Историк».

Все установки «Град», с которыми мы работаем, имеют собственные имена, придуманные ополченцами. Чаще всего мне приходилось заряжать машину со смешным именем «Ослик-помпончик». Как я узнал позже, в сентябре её экипаж погиб в результате вражеского обстрела, однако сам «Ослик» уцелел.

13 августа нас привозят на час раньше. Дневная бригада, которую мы сменяем, буквально валится с ног от усталости. Нам сообщают, что «укропы» сумели прорваться, перерезав дорогу к российской границе, и теперь необходимо зарядить и выпустить во врага весь имеющийся запас ракет.

Работаем всю ночь, почти без перерывов. Подходит седой офицер, начальник артиллерии батальона:

— Ребята, вы делаете невозможное!

Протягивает нам раскрытую пачку сигарет и неожиданно получает три отказа: нарвался на некурящих добровольцев из России.

В какой-то момент я с удивлением обнаруживаю, что нас вроде бы стало больше восьми. А народ всё прибывает. Оказалось, в помощь нам направили арестованных с местной гауптвахты. «Штрафники» — в основном местные жители, задержанные за хождение по улицам в нетрезвом виде и другие не очень серьёзные проступки, — работают не слишком умело, но добросовестно. Сразу же стало легче.

Утром приходит приказ эвакуироваться. Внезапно выяснилось, что водитель «Урала» куда-то делся.

— Водилы есть? — спрашивает нас офицер-артиллерист.

— Я водила! — тут же вызвался «Батя».

Он заводит грузовик, мы запрыгиваем в кузов и «Урал» срывается с места. Несётся быстро, но при этом движется рывками, от которых мы то и дело валимся на пол. Возможно, водитель делает это специально, вспомнив боевой опыт своей молодости: половина кузова заполнена ящиками с боеприпасами, попадёт вражеский снаряд — никто не уцелеет.

На новом месте зарядка «Градов» продолжается, до полного исчерпания запаса ракет. Всего я тогда отработал 17 часов подряд.

«Урал» так и остался закреплённым за «Батей», которого перевели в автовзвод. А я в тот же вечер перевёлся гранатомётчиком в стрелковую роту.

Особенности сухого закона

«Подальше от начальства и подальше от кухни», — так в шутку сформулировал своё жизненное кредо один из ополченцев, служивших вместе со мной. Первая часть вопросов не вызывает, но вторая прямо противоречит общеизвестной солдатской мудрости. Однако в нашем случае такой «девиз» вполне оправдан. Во время нахождения в казарме у нас было полноценное трёхразовое питание в столовой. Кормят досыта, при желании можно взять добавку. Так что необходимости крутиться возле кухни нет. Зато работа в столовой тяжёлая.

Практически всё время моего пребывания в Луганске отсутствовали электричество, водоснабжение, связь и Интернет. Парадоксально, но при этом сотовая связь действовала на передовой.

Вообще, бытовые условия более-менее сносные. Работают дизель-генераторы, благодаря чему электричество есть в штабе, в столовой, частично на первом этаже казармы. Вскипятить чайник или зарядить мобильник вполне возможно. В туалете чисто, его несколько раз в день драят «штрафники». Воду регулярно доставляют машины-водовозы. Можно умыться холодной водой, можно постираться. Можно побриться и даже принять душ — под душевую оборудован один из сарайчиков — на крыше несколько бочек, в них заливается вода, которая нагревается солнцем.

Такой ответственный подход нашего командования к бытовым вопросам принёс свои плоды: желудочно-кишечных заболеваний в батальоне практически не было.

Среди личного состава популярна стрижка «под чеченца»: обрить голову наголо (чтобы не мыть волосы) и отпустить бороду (чтобы не бриться). Неудивительно, что перепуганным украинским обывателям мерещатся целые дивизии кадыровцев, якобы воюющие на стороне ополченцев. Сам я за время своей службы в ополчении кавказцев я ни разу не встречал, хотя кое-где они конечно есть. Иностранцы — и то встречались чаще: только в нашем батальоне служило с десяток сербов.

Воинских званий нет, только должности — командир роты, взвода и т.п. Знаков различия нет — своих командиров знают в лицо. Всяких уставных ритуалов, типа шагистики, отдания чести и т.п. тоже нет. Свободные от нарядов и несения боевой службы ополченцы могут ходить в увольнения в город: на несколько часов, или даже до следующего утра. Я ни разу в город не выходил.

С обмундированием более-менее сносно. Кто-то из

ополченцев, как и я, привёз камуфляж с собой, большинство получило форму в батальоне (местные зачастую приходили в ополчение в шортах и тапочках), но не сразу и не совсем по размеру. Было негласное правило, что к моменту первого выезда на передовую боец должен быть обмундирован, однако во время сентябрьского наступления кое-кто из последнего пополнения воевал в штатском.

В батальоне «Заря» официально действует сухой закон, за соблюдением которого (в отличие от некоторых других частей) следили строго. Ополченец, который, выпив, не придумал ничего лучшего, как петь песни под окнами у комбата был немедленно арестован, провёл ночь на «губе». На утреннем построении его вывели в наручниках перед строем батальона.

— Простите, мужики!

Арестованного уводят. Начальник штаба батальона сообщает нам, что виновный будет отправлен на передовую, на разминирование, после чего в очередной раз взывает к нашему благоразумию:

— Если совсем невтерпёж, выпей перед сном 100 грамм, залезь под одеяло, лежи и не высовывайся.

Присяга 4-й роты

В 4-ю стрелковую роту батальона «Заря» я был зачислен 15 августа в качестве гранатомётчика. Получил оружие: автомат АК-74 1986 года изготовления и гранатомёт РПГ-7В на пять лет «моложе». Автомат со склада, ещё не пользованный, в смазке. Патронов хватает — три полных рожка, ещё столько же в зарядных планках плюс пачка в 30 патронов с этикеткой Луганского патронного завода. Чтобы носить всё это богатство, выдали стандартный армейский подсумок — увы, разгрузки здесь дефицит. Таскать этот тяжёлый груз на поясном ремне весьма неудобно. Через несколько дней «Батя» раздобыл мне старый ремень от автомата. Кстати, ремни у нас тоже были в дефиците. Из двух ремней — поясного и подаренного «Батей» — я соорудил для подсумка некое подобие портупеи. Сразу стало гораздо лучше.

На следующий день, 16 августа вместе с товарищами приношу присягу Луганской народной республике: «Я (фамилия, имя, отчество) торжественно присягаю на верность своему Отечеству и народу. Клянусь строго выполнять приказы командиров и начальников. Клянусь достойно выполнять воинский долг и мужественно защищать свободу и независимость республики, народ, Отечество и веру».

Как быть тем, кто уже давал присягу ранее? Ополченцы из местных больше не считают себя украинскими гражданами, так что никаких моральных сомнений не испытывают. Нет их и у меня — лично я до этого приносил лишь советскую присягу. Но,

как мне кажется, таких сомнений не должно быть и у тех, кто присягал Российской Федерации. Как известно, нынешние законы РФ разрешают двойное гражданство. При этом совершенно не возбраняется, если «двойных граждан» призывают в армии других государств. Если россиянин может служить, скажем, в израильской армии, и никаких претензий со стороны российских властей это не вызывает, почему бы не послужить в вооружённых силах ЛНР, которая, будем честными, вовсе не «чужое государство», а временно отторгнутая часть единой страны, стремящаяся вернуться в Россию?

Вообще, рассуждения насчёт «чужого государства», куда мы вероломно вторглись, — откровенная глупость и демагогия. С какой радости защитники «украинской незалежности» вдруг решили, что эта страна мне чужая? Здесь, под Снежным, в нескольких десятках километров от места, где воюю я, в 1943-м воевал мой дед. Мой отец служил срочную в Севастополе. Сам я приносил воинскую присягу советскому правительству. Не ельцинскому огрызку великой державы, а единой большой стране, частью которой является Украина.

Могут возразить, что в 1991 году Украина провела референдум за независимость. Надо же, какое совпадение! В мае 2014 года Луганская и Донецкая области тоже проголосовали за независимость от Украины. Значит, это теперь независимые государства, украинские войска на их территории — агрессоры и оккупанты, а у меня и моих товарищей прав на эту землю не меньше, чем у тех, кто скакал на майдане. Не говоря уже о том, что россиян в нашей роте примерно 10%, остальные местные.

На момент моего зачисления рота лишь формировалась. Сперва все мы были сведены в один взвод. Пару дней спустя, по мере роста численности, его разделили на два, при этом я оказался во втором взводе. Позже был сформирован и третий взвод. Кто туда вошёл? По возрасту младшему 18, старшему 59. Тех, кто младше 25, мало, а младше 20 — очень мало. Наиболее

многочисленная возрастная группа — 25–30 летние. По времени пребывания в ополчении: двое с мая, несколько человек с середины июля, около десяти с конца июля. Наиболее многочисленная категория — те, кто вступил в ополчение в первой декаде августа. Таких почти треть, и я в их числе. Но пополнение продолжает прибывать и позже, около десятка вступило уже в сентябре.

Если говорить о местных, то большинство из них высшего образования не имеют. Но это в России сейчас почему-то считается, что без высшего никуда, здесь такого нет. И отсутствие высшего образования не означает, что жители Луганщины безграмотные. Например, был в нашем взводе один ополченец, 23 года, образование — неоконченное среднее (он вынужден был по семейным обстоятельствам работать с 14 лет). Но при этом он, скажем, прочёл «Преступление и наказание» Достоевского и оно ему нравится, а я вот в своё время не осилил.

Есть ли атеисты в окопах?

С 17 августа наша рота участвует в обороне Вергунки — северного пригорода Луганска. Взводы выезжают на передовую попеременно, на сутки. Вскоре настала и моя очередь. Про этот окоп «укропы» не знают, так что надо вести себя тихо и незаметно. Нас трое. У меня это первый выезд на передовую, у моих товарищей — второй и четвёртый.

В России весьма популярно мнение, что ехать воевать на Донбасс должны исключительно те, кто служил в армии или имеет опыт боевых действий. Считаю подобный подход в корне неверным. Конечно, от профессионала на войне пользы гораздо больше, чем от необученного бойца. Но с другой стороны, на «незалежной Украине», впрочем, как и в РФ, система начальной военной подготовки молодёжи была развалена полностью. Многие из приходивших в ополчение 25–30-летних местных ребят не умели буквально ничего, даже автомат собрать. На их фоне я, ознакомившийся с азами военного дела ещё в советское время — начальная военная подготовка в школе, военная кафедра в вузе — выгляжу чуть ли не профессионалом. К счастью, советское стрелковое оружие сделано так, что даже неподготовленный человек может быстро научиться им пользоваться.

Затишье, стрельбы нет. Обедаем консервами и хлебом. В

кустах слышится шорох, но это всего лишь тощий рыжий кот — осторожно подошёл поближе, негромко мяукнул. Отламываю кусок хлеба и, макнув в тушёночный бульон, бросаю коту. Рыжий хватает хлеб, начинает торопливо и жадно есть. Кидаю ему ещё несколько кусков хлеба, после чего возвращаюсь к своим боевым обязанностям по наблюдению за передним краем. За спиной слышится громкое мурлыканье.

С рыжим котом мы неоднократно встречались и в следующие дни, хотя меня направляли в разные места Вергунки. Впрочем, думаю, что другие ополченцы тоже его подкармливали. С началом боевых действий в посёлке большая часть жителей Вергунки эвакуировалась, и участь оставленных домашних животных зачастую трагична.

Население настроено к нам доброжелательно:

— Вы их скоро прогоните?

Любить украинских военных местным жителям не за что: многие дома в посёлке разрушены. При этом каратели киевской хунты прекрасно знают, что в домах ополченцев нет, мы прячемся в окопах на окраине посёлка. Но это их не останавливает. При мне украинский БТР уничтожил два дома огнём из крупнокалиберного пулемёта.

Наступает ночь. Спим по очереди. Над головой роскошное звёздное небо, ясно виден Млечный Путь. Но до чего же холодно!

Утром нас начинает обстреливать украинский БТР. Согнувшись, прячемся в окопчик. Сверху свистят пули из КПВТ и обычного пулемёта, падают срезанные ветки. Мы пока в безопасности, до нас пулемёт не достанет, но ощущение весьма неприятное, усугубляется тем, что нанести ответный удар мы не можем.

«В окопах не бывает атеистов», — часто приходится слышать от доморощенных ревнителей «духовности». Что примечательно, подавляющее большинство из них сами никогда в окопах не были. Вынужден их разочаровать — далеко не все нуждаются в духовных «костылях». Впоследствии я ещё несколько раз проверил свои ощущения, и теперь могу точно сказать: никакой потребности молиться в критической ситуации лично я не испытываю.

Вообще отношение к религии в «Заре» близко к идеальному. На территории батальона есть церковь, в казарме, в расположении нашей роты имелся небольшой иконостас. Но при этом религия — дело исключительно добровольное и все обряды отправляются в личное время. Ни одного коллективного религиозного мероприятия я не наблюдал.

В «день незалежности Украины» 24 августа мы достойно

«поздравили» противника — сумели выманить украинскую БМП и сжечь её из крупнокалиберного пулемёта. В ответ разобиженные «укропы» начинают гвоздить по нам из миномётов и танка. У нас двое раненых, к счастью легко. Им оказали первую помощь, а как только стрельба кончилась, на «скорой» увезли в город, в больницу. Сильно помог приданный нашему взводу танк, вступивший в артиллерийскую дуэль с украинским танком, и тем самым отвлёкший большую часть огня на себя. Танковая перестрелка велась с закрытых позиций, поэтому «дуэль» закончилась вничью.

Обычные дни, как правило, проходили спокойнее. Убитых в нашей роте не было, однако, как правило, в каждый выезд было 1-2-3 раненых, все ранения — осколочные.

Электричество, сотовая связь и Интернет в Луганске по-прежнему отсутствуют. Молодых ополченцев отсутствие Интернета огорчает гораздо больше, чем остальные бытовые трудности. Лишь 30 августа мне подвернулась возможность на короткое время выйти в сеть. Несколько таких оказий случалось и в дальнейшем.

Вечером того же дня ездили ловить украинских миномётчиков в район недавно освобождённого посёлка Металлист. К сожалению, никого не поймали.

А Счастье было так возможно

Наконец, 3 сентября нашей роте поступил приказ принять участие в наступлении севернее Луганска.

До этого мы ездили на передовую на грузовиках, но в этот раз выезжаем на нескольких бронетранспортёров. В батальоне «Заря» принято вешать на бронетехнику маленький красный флажок с советским гербом и надписью «СССР». Вообще, стихийные симпатии к советскому среди ополченцев и населения Новороссии очень сильны — вопреки некоторым СМИ, пытающимся нарисовать картинку православно-монархического воинства.

Вечером 5 сентября заняли позиции на окраине села Раёвка, блокировав окружённое украинское подразделение. Видел сожжённую бронетехнику хунты, видел брошенную боевую машину пехоты, вполне исправную, если не считать снятого пулемёта. В очередной раз убедился, что война — это постоянное рытьё окопов, которыми ты не воспользуешься, так как можешь сняться с позиции уже через несколько часов. Зато в качестве компенсации можно укрыться от обстрела в окопе, вырытом другими.

Наше выдвижение к Раёвке было столь стремительным, что многие местные жители даже не знали, что ополчение уже здесь. Так, например, один дедушка, проезжая утром следующего дня на велосипеде через наши позиции, поприветствовал нас возгласом: «Слава Украине!» С ним вежливо поговорили, объяснили, кто мы. Было ясно, что это просто проявление бытового конформизма, стремление жить в ладах с любой властью.

Вскоре после этого на позиции нашего взвода вышел сдаваться совершенно ошалевший украинский офицер. Причём он был морально готов, что его немедленно убьют, но видимо

решил, что лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Офицера накормили и отвезли в Луганск, показывать преступления его соратников. В тот же день наша рота пополнилась трофейным автоматическим гранатомётом АГС-17.

На следующий день мы продвинулись дальше, выйдя к Северскому Донцу. Река неширокая, примерно как Фонтанка в Питере. Наша рота занимает позиции вдоль берега. Ввиду малочисленности ополчения участок обороны очень протяжённый. Вместо сплошной линии обороны пришлось создавать ряд опорных пунктов в ключевых местах.

Наша группа в составе 8 человек получила задачу занять господствующую высоту рядом с дачным посёлком у Весёлой Горы. Командир группы — бывший боцман с позывным «Дед» — распределяет нас по позициям по одному-два человека. Начинаем рыть окопы. Грунт очень неудобный — твёрдый и пачкается мелом.

Наступление противника крупными силами в этом месте маловероятно. Наша задача — пресечь возможную высадку украинских разведывательно-диверсионных групп:

— Дождёмся, когда они достигнут середины реки, и открываем огонь. А ты, — ставит «Дед» задачу мне, как гранатомётчику, — постарайся подбить лодку.

С наших позиций хорошо виден тот самый знаменитый город Счастье, который, к сожалению, до сих пор оккупирован войсками хунты и в котором находится крупная тепловая электростанция,

когда-то снабжавшая электричеством многие города Луганской области и сам Луганск.

Как часто случается в армии, наши тёплые вещи отправили на другую позицию. Провести холодную ночь, да ещё и на берегу реки не очень приятно. Отпросился в посёлок — думал, может, куртку там дадут. Зашёл в один из домов, там семья — двое пожилых и молодая девушка. Настроены очень доброжелательно: дали мне старую тёплую одежду, одеяло, миску помидоров. Я им в благодарность потом отнёс немного консервов. Напоследок с надеждой спрашивают:

— А украинская армия сюда точно не вернётся?

Я пообещал, что не вернётся.

Около 4 часов утра внизу у берега слышатся шелест и тихие голоса. Бужу спящего напарника:

— Тревога! Скажи «Деду».

«Дед» уже в курсе и держит ситуацию под контролем. Оказалось, это двое украинских военнослужащих-окруженцев пытались переправиться через Северский Донец и выйти к своим. Как только рассвело, мы вынудили их сдаться.

Оба из Львова, но при этом разговаривают на чистейшем литературном русском языке. В украинской армии, если верить их словам, оказались по призыву. Одному 20 лет, другому 30. Хорошо экипированы — у обоих удобные и надёжные бронежилеты, совмещённые с разгрузкой, у одного каска. Позже проверили одну из бронепластин. Оказалось, она уверенно держит не только автоматную пулю, но и обычную из пулемёта Калашникова, и пробивается лишь бронебойной пулемётной пулей.

Пленных накормили и передали командованию. Позже, в конце октября, я случайно увидел по телевизору сюжет об обмене пленными, и среди пленных, возвращаемых украинской стороне, узнал одного из этих ребят. Причём в разговоре с корреспондентом он подтвердил, что в плену с ним обращались хорошо.

Разведчица с факультета иудаики

Прибыл командир роты, похвалил «Деда» за грамотно выбранные позиции. Мы продолжаем углублять окопы и следить за противоположным берегом Северского Донца. Следят и за нами.

Несмотря на перемирие, несколько дней вдоль линии фронта регулярно летал украинский разведчик — маленький спортивный самолёт белого цвета с характерным толкающим винтом сзади.

Использовать средства ПВО командование запретило, поэтому до поры до времени это сходило «укропам» с рук. Но 11 сентября разведчик опрометчиво подобрался совсем близко. Открываем огонь из пяти автоматов. Самолётик резко разворачивается.

— Сбили! Падает!

Увы, в следующее мгновение становится понятно, что самолёт не падает, а уходит со снижением. Сумели ли мы его достать? Мнения разделились. Оптимисты считают, что машина должна была превратиться в решето. Скептики говорят, что попаданий не было вообще, а если и были, то патрон АК-74 для такой цели слабоват.

Позже из ролика, выложенного на ютубе, мне удалось узнать некоторые подробности этого боевого эпизода. Оказалось, экипаж самолёта состоял из двух человек: лётчика и наблюдателя — студентки Киево-Могилянской академии Марии Берлинской. И попадания у нас были, хотя и не фатальные — перебили тросик к хвостовому колесу, при посадке колесо вывернуло.

Можно лишь удивляться, насколько успешно промывают мозги жителям Украины, если еврейская девушка-студентка, изучавшая иудаику в вузе, добровольно отправилась воевать на стороне идейных наследников украинских полицаев, расстреливавших её соплеменников в Бабьем Яре.

Конечно, жаль, что самолёт не сбили, но и наличие попаданий, учитывая нашу неопытность — тоже неплохой результат. Главное же, пресекли дальнейшие попытки воздушной разведки — повредили аппарат и так сильно напугали экипаж, так что самолёт больше не летал, а у девушки Маши появился серьёзный стимул задуматься о происходящем.

Кроме этого разведывательного самолёта, других летательных аппаратов хунты лично я не видел. Ещё до моего приезда ПВО ополченцев вымело авиацию хунты с неба. Во время августовских выездов на Вергунку ребята из 1-го взвода нашей роты однажды видели вдали два вертолёта. Какие именно, Ми-8 или Ми-24, определить не смогли.

После восьми дней на передовой возвращаемся в Луганск. По дороге видел сожжённый укропский танк и два БТР. На блокпосту у въезда в город большой красный флаг с серпом и молотом. В Луганске по-прежнему нет воды и электричества, но людей и машин на улицах заметно прибавилось.

В казарме тоже есть небольшие бытовые улучшения. Появились лампочки в умывальне, туалете и у дневального на этаже. В туалете кто-то поместил в писсуар старый, ещё советских времён, большой потрет Горбачёва. «Архитектора перестройки», разрушившего единую страну, в Новороссии заслуженно «любят»

и «уважают».

Вскоре я вновь выехал на передовую, на те же позиции на берегу Северского Донца. На этот раз всё прошло на удивление тихо, стрельбы на нашем участке не было с обеих сторон. На блокпосту у въезда в Луганск уже два красных флага. Город заметно оживает. Количество транспорта на улицах увеличилось настолько, что не помешал бы светофор или регулировщик. В казарме дали свет, но сотовой связи в городе по-прежнему нет.

Поскольку боевые действия на нашем участке фронта фактически прекратились, выехал обратно в Россию, чтобы вернуться в Новороссию полтора месяца спустя, но уже в бригаду «Призрак».

Фото — из блога автора